

ББК 63.3(2)633-2

Е.А. Андрюхин

Неофициальное предпринимательство в СССР в 60–80-х гг. XX в.

E.A. Andryukhin

Private Entrepreneurship in the USSR in the 60–80s of the XXth Century

Статья посвящена малоисследованной странице советской истории – предпринимательской деятельности граждан в СССР в 60–80-х гг. Особое внимание уделяется развитию неофициального предпринимательства. На основе конкретных и убедительных фактов автор сделал аргументированные выводы, выяснил причины, почему данный процесс, несмотря на активную с борьбу с ним, активно развивался.

Ключевые слова: предпринимательство, спекуляция, торговля, сфера услуг, производство.

В соответствии с ныне действующей Конституцией Российской Федерации и гражданским законодательством любой дееспособный гражданин может в полном объеме реализовать свое право на занятие предпринимательской деятельностью. Законодатель гарантирует равенство и юридическую защиту всех форм собственности, свободу выбора дела с учетом способностей и возможностей, а также антимонопольную защиту. Но развитие малого и среднего бизнеса идет сложно и противоречиво. Для уяснения причин, сдерживающих развитие рыночных отношений, будет полезно изучить опыт развития предпринимательства в СССР.

В советской и современной отечественной историографии сложилось вполне устойчивое мнение о том, что предпринимательство в СССР стимулировалось и развивалось только в период нэпа и возобновилось с началом «перестройки» [1, с. 3–4; 2, с. 28–30]. Но отсутствие законов, определявших рыночную идеологию и стимулировавших формирование рыночной экономики, не означало отсутствия предпринимательства среди населения страны. Хотя бы потому, что действовало Постановление Совета Министров СССР от 22 апреля 1958 г. [3, с. 153–157; 4, с. 32–34], утвердившее Положение о кустарно-ремесленных промыслах граждан. Оно регулировало легальную деятельность предпринимателей, а в уголовных кодексах (далее УК) союзных республик имелись статьи, обозначающие наказания за незаконную предпринимательскую деятельность граждан [5].

Анализ советского законодательства и источниковой базы позволяет говорить о наличии в СССР предпринимательской деятельности в разнообразных формах ее проявления. К предпринимательской мы

The article is devoted to an insufficiently studied page in Russian history – enterprise of Soviet citizens in the 60–80s of the XXth century. The author puts special accent on the development of private entrepreneurship. On the basis of specific and solid facts the author has drawn well-grounded conclusions and exposed the reasons of active development of this process in spite of strenuous counteractions.

Key words: entrepreneurship, speculation, trade, service industries, production.

относим производственную, торговую или посредническую деятельность. В исследуемый период они позволяли выражать частнохозяйственную инициативу, извлекать доход, получать психологическое удовлетворение от самостоятельной деятельности. Не вдаваясь в юридическую специфику определения понятия «предпринимательство», мы будем использовать его достаточно условно. Главное здесь в том, что лица, занимавшиеся предпринимательством, хотели работать активно, творчески, рискованно с целью получения дополнительного дохода.

Анализ хозяйственной деятельности советских граждан показывает два вида предпринимательской деятельности. Первый – это официальное предпринимательство. А второй – это та деятельность граждан, характеристики которой соответствуют данному нами определению, но за которую было предусмотрено наказание по действующим в то время республиканским УК [5]. Вполне уместно будет квалифицировать второй вид деятельности как неофициальное предпринимательство, которое проявлялось в трех основных сферах жизнеобеспечения: торговле, производстве и сфере услуг.

Под торговой деятельностью следует понимать деятельность граждан по скупке и перепродаже товаров или иных предметов с целью получения дополнительных доходов. В основном она квалифицировалась законодательством как спекуляция. За занятие такой деятельностью предусматривалось наказание от административного вплоть до уголовного (до семи лет лишения свободы в зависимости от размеров и форм деятельности) [6, с. 27–32]. Также к торговой деятельности с определенными оговорками можно отнести работу граждан в финансовой сфере. Это

прежде всего незаконный оборот ценных бумаг, валютных ценностей, драгоценных металлов и камней. За такой вид деятельности предусматривались более суровые санкции, вплоть до высшей меры наказания [5, с. 220–231].

Источники показывают, что спекулянтами становились граждане, которые благодаря своей активности, целеустремленности, рискованности, т.е. предприимчивости, пытались получить дополнительные материальные выгоды. Они так же, как и все граждане, трудились в учреждениях и на предприятиях, но свободное время использовали в целях повышения своего материального положения.

Так, например, А.И. Пряникова в свободное от работы время приезжала в Курск для скупки у местных кустарей вязаных шапочек. Затем она их перепродавала по более высокой цене в городе Красный Луч Ворошиловградской области, за что в 1976 г. была осуждена и приговорена к двум годам лишения свободы [7, с. 132–134]. Многограннее была деятельность шофера Перещепкинской автобазы Днепропетровской области Тесленко. Он занимался скупкой у населения области картофеля и перепродавал его в Харькове по спекулятивным ценам. Зная также о повышенном спросе у жителей сел на мебель, он привозил стулья, которые обменивал на картофель. В 1961 г. Тесленко приговорили к двум годам лишения свободы [8, с. 4]. Житель Глушковского района Курской области, колхозник, участник Великой Отечественной войны Г.Т. Шевченко, имеющий в семье трех несовершеннолетних детей, периодически приобретал в Московской области бывшее в дефиците кровельное железо и перепродал его в селе Званное. За незаконную торговую деятельность суд приговорил Г.Т. Шевченко к пяти годам лишения свободы [9, с. 175–178].

Важно подчеркнуть, что успех частной торговли определялся отсутствием в свободной продаже нужного товара надлежащего качества, а в случае его наличия трудностями транспортировки, особенно в сельскую местность. К тому же средний размер оплаты труда и пенсий колхозников был значительно ниже соответствующих выплат для рабочих и служащих, а сельхозпродукция была в избытке. Так, если в 1971 г. минимальный размер пенсии по старости для колхозников был повышен до 20 руб. в месяц, то у рабочих и служащих минимальный размер пенсии тогда же составил 45 руб. [10, с. 466].

Из сказанного видно, что предприимчивые граждане, занимавшиеся торговой деятельностью более эффективно, чем государственные органы, изучали и выявляли спрос граждан на определенные группы товаров и специфическими, как правило, незаконными способами удовлетворяли их потребности.

В исследуемый нами период к незаконной производственной предпринимательской деятельности относились занятия, выходящие за рамки деятель-

ности некооперативных кустарей и ремесленников. В УК союзных республик данный вид деятельности квалифицировался как занятия запрещенными видами промыслов или частнопредпринимательская деятельность граждан. Основное отличие этих двух видов преступлений заключалось в том, что под частнопредпринимательской деятельностью понималось такое действие в целях извлечения прибыли на основе использования возможностей государственных, кооперативных или иных общественных форм для получения прав, льгот и преимуществ, предоставляемых социалистическими предприятиями и организациям. А занятия запрещенными видами промыслов предполагало незаконную деятельность граждан в целях извлечения прибыли, используя личные средства на свой страх и риск.

Исчерпывающий перечень запрещенных промыслов содержался в Положении о кустарно-ремесленных промыслах граждан. К их числу относились переработка купленных и давальческих сельскохозяйственных и иных пищевых продуктов, в том числе изготовление из них пищевкусовых изделий и напитков (здесь имеется в виду пищевое производство); изготовление и ремонт любого вида оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и пиротехнических изделий; изготовление множительных и копировальных аппаратов, всевозможных штампов, штемпелей, печатей, шрифтов, размножение печатной и фотопродукции, тиражирование грампластинок, кинофильмов и магнитных записей; планок и колодок для орденов и медалей, а также значков и жетонов; химических и парфюмерно-косметических изделий; ядовитых и наркотических веществ, а также любых медикаментов и предметов медицинской техники; обработка и крашение кожевенного, овчинно-шубного и пухо-мехового сырья, а также изготовление изделий из шкур ценных пушных зверей, не имеющих государственного клейма (штампа) и подлежащих в соответствии с законом обязательной сдаче государству; перевоз пассажиров и грузов любыми транспортными средствами (кроме перевозки на лодках, лошадях и других животных при наличии разрешения исполкома местного Совета народных депутатов); содержание пансионатов, купален, бань, всевозможных игорных заведений, всяческих аттракционов и организация зрелищных мероприятий; изготовление изделий из драгоценных и цветных металлов (в частности зубопротезирование с применением золота), драгоценных камней и янтаря либо изделий с применением собственных драгоценных металлов и камней, янтаря и цветных металлов; изготовление свечей икон и церковной утвари [4, с. 32–34].

На все перечисленные выше виды деятельности регистрационные удостоверения не выдавались, а занятия ими влекло административную, а при соответствующих условиях уголовную ответственность.

Запрет на вышеназванные промыслы действовал на территории всего Советского Союза. Вместе с тем Постановление разрешало совминам союзных республик дополнительно запрещать другие виды промыслов. Так, например, по состоянию на июль 1963 г. ремонт обуви согласно законодательству некоторых союзных республик был отнесен к запрещенным промыслам [11, с. 300]. За занятие запрещенными видами промыслов закон предусматривал наказание вплоть до четырех лет лишения свободы с конфискацией имущества или без таковой [6, с. 10–13].

Анализ источников показывает, что на практике занятия запрещенными видами промыслов или частнопредпринимательская деятельность граждан в чистом виде встречалась редко. Это, с одной стороны, усложняло квалификацию деятельности граждан, а с другой – открывало правоохранительным органам широкий «простор» для деятельности. За частнопредпринимательскую деятельность предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества или ссылкой на срок до пяти лет с конфискацией имущества. Так, в 1960 г. жители Суджанского района Курской области А.М. Козинец и Д.М. Козинец были привлечены к уголовной ответственности за то, что они у себя дома в д. Горналь производили выделку овчин и шили овчинные полушубки для незаконной реализации [12, с. 57].

В сфере услуг развивалась деятельность по оказанию медицинских, образовательных, строительных, бытовых и иных услуг. В соответствии с уголовным законодательством данная деятельность относилась к запрещенным видам промыслов. Это был самый сложный и противоречивый вид оказания услуг. С одной стороны, к такого рода предпринимателям можно отнести и тех лиц, которые официально выполняли ремонтно-строительные работы в религиозных организациях. Кроме строительно-отделочных работ эти люди выполняли художественные работы по реставрации живописи. Для выполнения таких работ с гражданами заключались договоры от лица церковных советов. Иногда доход таких «строителей» доходил до 2500–3000 руб. в год. Интересно также и то, что данные заработки проводились официально через бухгалтерии и финансовые отделы. На данные виды работ в Курскую область приезжали специалисты

из Пушкина, Сум, Харькова, Одессы, Ивано-Франковска и других населённых пунктов Советского Союза [13, с. 44–54]. А с другой стороны, такой вид деятельности, как зубопротезирование, неофициальные ремонтно-строительные работы, частный извоз и иные виды деятельности, были причиной достаточно серьезных уголовных наказаний.

В 1973 г. в «Литературной газете» вышел ряд публикаций, посвященных теме бытового обслуживания населения. А. Лихачев на основе личных наблюдений рассказывал о мастерах, занимавшихся бытовым обслуживанием населения в свободное от основной работы время. Журналист увидел механизм и показал, что система бытового обслуживания страны работала на недостаточном уровне. В статье подчеркивалось, что «...в Москве строится в год 120000 квартир. В среднем на дополнительное благоустройство по своему вкусу семья новоселов расходует 120 рублей. Это 14,4 миллиона рублей. Через государственную же кассу проходит не более 4–5 миллионов. Десять круглых миллионов остаются в карманах “дядей Вась“! ...» [14, с. 12]. Этот и другие материалы показывают объемную, но не гибкую систему бытового обслуживания населения. Именно этим и пользовались предприимчивые люди, работавшие в данной системе. У них было все: потребность населения в услугах, предприимчивость и государственно-общественные возможности. Так, например, если так называемый шабашник мог предложить клиенту более десятка видов дерматина для обивки дверей, а государственное предприятие всего один, если шабашник выполнял работы в срок и у него не нужно было стоять в очереди, в отличие от государственных «подрядчиков», и многое другое, то, наверное, у людей была личная заинтересованность обращаться к шабашнику, а не к государству.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что отсутствие необходимых товаров не только порождало спрос на них, но и активизировало предпринимательскую инициативу определенной части граждан. Вместе с тем источники показывают, что несовершенство законодательства, затруднявшее законное предпринимательство, а также психологические особенности определенной части граждан, желавших получать необходимые товары, а другой части предоставлять их, стали основой незаконного предпринимательства в СССР.

Библиографический список

1. Ковязин В.В. Исторический процесс развития законодательства о предпринимательстве в России // Вестник СевКавГТУ. – 2004. – №1.
2. Волков М.В. Этапы развития малого предпринимательства в России в 80–90-е года XX века // История государства и права. – 2007. – №13.
3. Об утверждении Положения о кустарно-ремесленных промыслах граждан : Постановление Совета Министров

СССР от 3 мая 1976 г. // Собрание Постановлений Правительства СССР. – 1976. – №7.

4. Государственный архив Курской области (ГАКО). – Ф. Р-3322. – Оп. 43. – Д. 334.

5. Ковалев М.И. Советское уголовное право: Часть Особенная. – М., 1983.

6. Самилтык Г.М. Квалификация хозяйственных преступлений. – Киев, 1989.

ИСТОРИЯ

7. ГАКО. – Ф. Р-4392. – Оп. 1. – Д. 1119.
8. Саранских В. Спекулянт на скамье подсудимых // Районные будни (районная газета Рыльского района Курской области). – 1967. – №32. – 8 июля.
9. ГАКО. – Ф. Р-4392. – Оп. 1. – Д. 239.
10. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов. Т. 5: 1962–1965 годы. – М., 1968.
11. Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1963 / сост. В.И. Теребилов. – М., 1964.
12. ГАКО. – Ф. Р-4392. – Оп. 1. – Д. 250.
13. ГАКО. – Ф. Р-4036. – Оп. 6. – Д. 1894.
14. Лихачев А. Шабашник // Литературная газета. – 1973. – №10. – 7 марта.

Первые трамвайные системы в Российской империи

№ п/п	Город	Число жителей, тыс. чел.	Дата пуска трамвайного движения (новый стиль)	Предприниматель	Источник финансирования строительства
1.	Киев	248	13 июня 1892 г.	А.Е. Струве	Акционерное общество Киевской городской железной дороги
2.	Нижний Новгород	95	20 мая 1896 г.	—	Siemens & Halske AG
			21 июня 1896 г.	Р.К. фон Гартман	Финляндская компания лёгкого пароходства
3.	Екатеринослав (Днепропетровск)	121	27 мая 1897 г.	—	Французское акционерное общество
					Бельгийское акционерное общество
4.	Елизаветград (Кировоград)	62	26 июля 1897 г.	И.А. Лихачев, Л.И. Бродский	Бельгийское акционерное общество
5.	Курск	76	30 апреля 1898 г.	И.А. Лихачев	Бельгийское акционерное общество
6.	Витебск	66	30 июня 1898 г.	Ф.Ф. Гильён	Бельгийское акционерное общество
7.	Севастополь	51	24 сентября 1898 г.	Р.К. фон Гартман	Бельгийское акционерное общество
8.	Орёл	70	15 ноября 1898 г.	Ф.Ф. Гильён	Бельгийское акционерное общество
9.	Москва	986	6 апреля 1899 г.	—	Первое общество конно-железных дорог
10.	Житомир	65,5	3 сентября 1899 г.	—	Siemens & Halske AG

Вторым городом в Российской империи, в котором появился электрический трамвай, стал Нижний Новгород. В 1896 г. в рамках Всероссийской художественной и торгово-промышленной выставки, проходившей в Нижнем Новгороде, тремя транспортными компаниями (Siemens & Halske AG, Финляндской компанией лёгкого пароходства и Товариществом для эксплуатации электричества) в разных частях города были построены демонстрационные трамвайные линии, которые отличались друг от друга шириной колеи, эксплуатируемым подвижным составом и стоимостью проезда. Поскольку в 1895 г. между Р.К. фон Гартманом, представлявшим Финляндскую компанию лёгкого пароходства, и Нижегородской городской управой был заключен договор на строительство и эксплуатацию электрических трамвайных линий, то по окончании выставки трамвайная линия Товарищества для эксплуатации электричества была разобрана, а линия фирмы Siemens & Halske AG выкуплена Р.К. фон Гартманом. Но в 1897 г. он продал право на концессию Русскому обществу электрических железных дорог и электрического освещения, которое стало владельцем всех трамвайных линий в Нижнем Новгороде [18, с. 14–24].

После открытия первых трамвайных систем в Российской империи города, не имевшие общественного транспорта и средств на самостоятельную его организацию, решают исправить этот недостаток путем привлечения иностранных трамвайных компаний, предоставив им на правах концессии

заниматься организацией пассажирских перевозок в городе.

Первым таким городом стал Екатеринослав. В январе 1895 г. городская дума пригласила представителей Анонимного общества и Парижской компании железных дорог и трамвая обсудить вопрос возможности организации в городе системы электрического трамвая. После рассмотрения проектов обеих фирм было выбрано предложение Парижской компании, и в июле заключен официальный договор о строительстве Екатеринославской городской электрической железной дороги. Для финансирования строительства и управления трамвайным предприятием Парижской компанией было создано Французское акционерное товарищество, но в 1896 г. все акции этого товарищества были скуплены Анонимным обществом, которое стало владельцем екатеринославского трамвая [19, с. 4–8].

После Екатеринославля бельгийцы получили концессии до 1900 г. еще в пяти городах: Елизаветграде, Курске, Витебске, Севастополе, Орле и Кременчуге [20, с. 6].

После открытия 8 электрических трамвайных систем и отслеживания экономических показателей деятельности акционерных обществ электрических трамваев некоторые владельцы конно-железных дорог решаются переоборудовать свои системы. Первой такой компанией стало Первое Общество конно-железных дорог в Москве, которое перевело на электрическую тягу Долгоруковскую, Петровскую и Бутырскую линии конки [4, с. 12].

Эксплуатация электрических трамвайных систем оказалась достаточно выгодной. Результаты финансовой деятельности предприятий электрического трамвая ежегодно публиковались в журнале «Электричество». Согласно данным этого журнала, рост выручки от эксплуатации электрического трамвая в среднем составлял до 10% в год от показателей предыдущего года [14, с. 6; 15, с. 6]. К 1902 г. иностранные компании предложили свои услуги на строительство и эксплуатацию трамвайных линий на правах концессии 43 городам Российской империи [7, с. 55].

Массовый спрос на оборудование и механизмы для трамвайных систем привел к диверсификации производств российских промышленных предприятий. Так, например, Коломенский, Сормовский, Путиловский и ряд других заводов добавили в ассортимент выпускаемой продукции моторные трамвайные вагоны, а многие электротехнические предприятия стали выпускать электрооборудование специально для трамваев [10, с. 123; 12, с. 236].

К началу XX в. благодаря высоким темпам урбанизации, развитию инженерной мысли и активной деятельности иностранных транспортных компаний в Российской империи получил массовое распространение электрический трамвай. Ввиду его высокой провозной способности, возможности обеспечения регулярности движения и низких эксплуатационных затрат, обеспечивающих установление невысоких тарифов, в городах увеличилась подвижность населения и средняя дальность поездки каждого пассажира. Широкое распространение электрических трамваев подтолкнуло к дальнейшему росту численности населения и территории городов Российской империи. За счет сложной инфраструктуры нового вида общественного транспорта на российском рынке сбыта промышленной продукции появились новые ниши. Наличие большого платежеспособного спроса также привело к увеличению научных изысканий в сфере электротехники.

Библиографический список

1. Ильин В.С. Промышленное развитие России от конца XIX в. и до начала сталинского «великого перелома» // Сборник научных трудов кафедры «История России» Российского университета дружбы народов. – М., 2004.
2. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. – СПб., 1905.
3. Величенко М.Н., Канторович Б.С. Трамвай и троллейбус Санкт-Петербурга. – СПб., 1997.
4. Иванов М.Д. Московский трамвай: страницы истории. – М., 1999.
5. Тархов С.А. Казанскому трамваю 100 лет // Вестник ГЭТ России. – 1999. – №6.
6. Говоруха А. Одесский трамвай // Омнибус. – 2002. – №10 (82).
7. Ржонсницкий Б.Н. Трамвай – русское изобретение. – М., 1952.
8. Кондрашова С.И. Музей рабочей славы ХТТУ. – Харьков, 1980.
9. Семенов Н. Трамваи Саратова // Пантограф. – 2008. – №6.
10. Веселовский О.Н., Шнейберг Я.А. Очерки по истории электротехники. – М., 1993.
11. Лапиров-Скобло М.Е. Эдисон. – М., 1960.
12. Аргоболевский И.И., Благодоров А.А. Очерки истории техники в России (1861–1917). – М., 1975.
13. Дякин В.С. Германские капиталы в России. – Л., 1971.
14. По русским городам // Электричество. – 1910. – №12.
15. По русским городам // Электричество. – 1911. – №1.
16. Трамвайный справочник. – М., 1948.
17. Дмоховский И. Киевские электрические трамваи // Железнодорожное дело. – 1901. – №2–4.
18. Косой Ю.М. Ваш друг трамвай. – Нижний Новгород, 1996.
19. Науменко І.М. З вершини століття (історія будівництва і розвитку електротранспорту міста Дніпропетровська). – Днепропетровск, 1997.
20. Дмоховский И. Трамвай в России к 1902 г. // Железнодорожное дело. – 1902. – №24.

ББК 63.44

П.И. Шульга, А.А. Тишкин, В.И. Соёнов
Городища Нижний Чепош-3 и 4*

P.I. Shulga, A.A. Tishkin, V.I. Soyonov
**Sites of Ancient Settlement Nizhny Cheposh-3 and
 Nizhny Cheposh-4**

Рассматривается история открытия древних городищ в окрестностях с. Чепош (Горный Алтай), а также резюмируются основные итоги исследований памятников Нижний Чепош-3 и 4. Полевые работы, произведенные в разные годы авторами статьи, дали возможность изучить специфику топографии и планиграфии городищ и выявить некоторые особенности их фортификационных сооружений.

Ключевые слова: Горный Алтай, археологические памятники, городища, Нижний Чепош-3, Нижний Чепош-4.

На территории Горного Алтая пока известно сравнительно немного городищ. Поэтому найденные в долине Катуня древние и средневековые укрепления представляют особый интерес. К таковым можно отнести памятники Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 (рис. 1). Они расположены на выходе р. Нижний Чепош из ущелья, на высокой террасе левого берега, к северо-востоку от центра с. Чепош Чемальского района Республики Алтай.

Первые сведения о городищах около указанного села зафиксированы в материалах ответов на «Программу для собирания сведений о природе и населении Алтая», которую разработало Общество любителей исследования Алтая, созданное в Барнауле в 1891 г. В сообщении Чемальского отдела Алтайской духовной миссии от 31 июля 1892 г. священник Петр Бенедиктов написал следующее: «Около Чепоша, на берегу Катуня, есть место, где заметны следы древнего (?) городища или военного лагеря: заметны вал и ров, окружающие это место. Говорят, таких мест (городищ. – авт.) много в нашем отделении» [1, л. 12–12об.; 2]. Очевидно, данное краткое описание можно связать с ныне известным археологическим комплексом Нижний Чепош-4 с хорошо выраженными на местности остатками фортификационных сооружений. Далее П. Бенедиктов отметил еще одно место у Чепоша, окруженное канавой, как бы от очень большой юрты. Согласно легенде, канаву протоптал богатырский конь, ходивший по кругу на приколе. Судя по контексту, место это сравнительно небольшое, и его можно увидеть

The article considers the history of the discovery of the ancient settlements near the village Cheposh (Gorny Altai), and also presents the main results of researches on monuments Nyzhny Cheposh-3 and Nyzhny Cheposh-4. The field works made in different years, have given the chance to study specificity of topography and planigraphy of sites of ancient settlement, and also to reveal their some features of fortifications.

Key words: Gorny Altai, archaeological monuments, sites of ancient settlement, Nizhny Cheposh-3, Nizhny Cheposh-4.

издали. Такое описание не может быть соотнесено с крепостными конструкциями памятников Нижний Чепош-3 и 4. Несмотря на обследования окрестностей села, подобных объектов там пока не выявлено. Каких-либо работ по уточнению местонахождения городища у Чепоша, указанного П. Бенедиктовым, и его изучению, видимо, не проводилось. Археологам отмеченные у с. Чепош памятники стали известны примерно через сто лет.

Впервые территория городища Нижний Чепош-3 частично обследовалась в 1986 г. П.И. Шульгой в ходе работ по выявлению древних поселений [3–4]. В поисках артефактов осматривались небольшие обнажения на проходивших через террасу проселочных дорогах. В результате обнаружены выходы культурного слоя с мощными прослойками прокаленной глины, а также кости животных и небольшое количество мелких фрагментов керамики. По этим данным зафиксированное место предварительно определялось как поселение раннего железного века Нижний Чепош-3 [3, рис. 1а]. Валу и рвы тогда не были замечены, поскольку основная дорога располагалась в разрыве укрепленной линии. В том же году во время раскопок поселения Чепош-2 местные жители рассказали П.И. Шульге о каких-то «окопах» на реке Нижний Чепош. Возникло предположение о наличии там городища, но поиски его в 1986 г. результатов не дали. В 1987 г. информаторы из с. Чепош сообщили более точные сведения о местонахождении «окопов», что позволило сузить район поисков и обнаружить горо-

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (проект №2.1.3/6768 «Древняя и средневековая фортификация Алтая» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)»).

дище, названное Нижний Чепош-4. Тогда же в ходе предварительного осмотра внутри крепости у берегового откоса П.И. Шульгой замечены оплывшие вал и ров. В границах этого объекта был заложен шурф 2x1 м, в котором найдено большое количество фрагментов от нескольких десятков крупных лепных сосудов [5]. Другой раскоп затронул жилище. В его границах над основным культурным слоем, непосредственно под дерном, фиксировался еще один слой с керамикой. На основе этого было сделано предварительное предположение о повторном заселении городища. Затем на памятнике производилась инструментальная съемка для выяснения основных конструктивных особенностей оборонительных линий и определения его площади.

Остатки укреплений второго городища были обнаружены П.И. Шульгой и Н.Ф. Шульгой только в 1995 г., после сборов на сильно размытой дороге в северной части обозначенного поселения Нижний Чепош-3. При осмотре обнажений найдены костяные наконечники стрел, керамика, изделия из камня, очаги. По всей площади размыва встречались кости животных настолько хорошей сохранности, что признать их древность пришлось лишь после находок аналогично выглядящих наконечников стрел и других изделий из кости. Тогда же у дороги и в западной части по краю лога были обнаружены рвы и валы, что позволило считать поселение городищем Нижний Чепош-3. В 1996 г. в размываемой по существовавшей дороге на кромке северной части этого памятника П.И. Шульгой был заложен раскоп, выявивший не просматриваемый на поверхности глубокий ров и многочисленные жилищные и хозяйственные ямы. В надматериковом культурном слое обнаружено значительное количество керамики, а также изделий из кости рога и камня. По ряду причин работы не были завершены. Раскоп законсервирован по уровню материка и заложен дерном.

По результатам вышеуказанных работ П.И. Шульга сделал несколько существенных наблюдений, а также ряд довольно условных предположений. Эти материалы изложим следующим образом. Представляется, что первым возведено укрепление на углу, в месте выхода глубокого лога к реке. Это позволяло значительно сократить линию обороны с напольной части, где были устроены ров и широкий вал. В плане первое городище имело чечевицеобразную форму размерами около 80x50 м. Затем площадь комплекса Нижний Чепош-4 была увеличена в 5–6 раз и окружена мощной оборонительной линией, включавшей до пяти чередующихся валов и рвов и достигавшей с напольной стороны 25 м в ширину. Городище являлось постоянно заселенным центром для контроля за путями по Катунь и Семе, ведущими с равнины в глубь Горного Алтая и далее в Монголию. С течением времени на противоположной стороне лога образовался своего рода посад. В основном для его защиты возведено новое овальное в плане укрепление, ограничивавшее

большую территорию городища Нижний Чепош-3. По результатам раскопок и визуальным наблюдениям можно утверждать, что наиболее плотно там была заселена более безопасная территория у берегового откоса. Если принять предположение о последовательном расширении и сосуществовании обеих крепостей, то городища Нижний Чепош-3 и 4 можно считать важным центром или форпостом значительного государственного образования. По какой-то причине строительство третьей – самой большой крепости в полном объеме не было завершено, а население, видимо, покинуло это место. По мнению П.И. Шульги, создание столь мощного центра на Катунь осуществлено крупным государством, заинтересованным в контроле над территорией Горного Алтая, и таковым могла быть возглавляемая монголами империя Юань.

Имевшиеся данные о разведочных работах П.И. Шульги послужили основой для продолжения исследований на выявленных и зафиксированных объектах. В 2001 г. Горно-Алтайским археологическим отрядом Алтайского государственного университета (АлтГУ) под руководством А.А. Тишкина на городищах Нижний Чепош-3 и 4, разделенных логом глубиной от уровня террасы более 10 м, производились очередные археологические исследования [6]. Они осуществлялись в рамках проекта ФЦП «Интеграция» по теме «Изучение средневековых крепостей Саяно-Алтая», который реализовывался Алтайским государственным университетом совместно с Институтом археологии РАН (научный руководитель – И.Л. Кызласов). На первоначальном этапе стояла задача получения точных планов местности с остатками крепостных сооружений. Для выполнения этой части программы был приглашен инженер-геодезист А.О. Карьков, который под руководством А.А. Тишкина и осуществил инструментальную съемку памятников. Геодезические работы проводились тахеометром ТА-3М. В них приняли участие П.И. Шульга, В.В. Горбунов и А.Л. Кунгуров. Для тахеометрической съемки на городище Нижний Чепош-4 в качестве схемы использовался план памятника 1987 г. В ходе дополнительного обследования на городище Нижний Чепош-3 были обнаружены остатки не замеченных ранее рвов и валов в восточной части городища, что позволило установить его реальные размеры. По материалам обследований и инструментальной съемки был получен топографический план в масштабе 1:500, с высотой сечения рельефа 0,5 м (рис. 1).

На следующем этапе запланированных работ производилась зачистка разрушенного дорогой северовосточного участка городища Нижний Чепош-3 по линии ров–вал. Длина раскопа составила 30 м. В ходе исследований были зафиксированы три рва и небольшое количество находок. Кроме этого, делались описания обозначенных памятников, уточнялись особенности их оформления и нахождения.

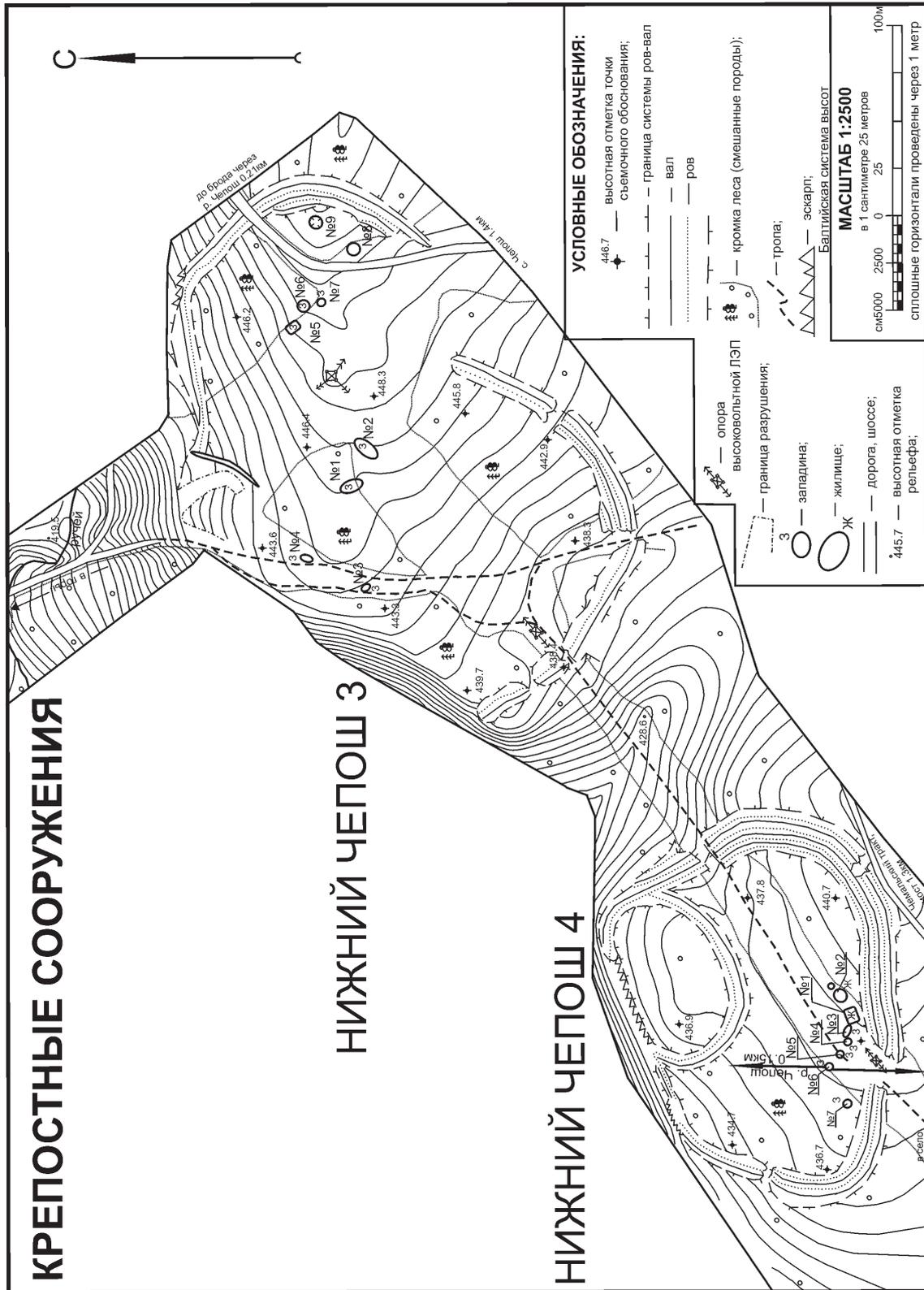

Рис. 1. План городищ Нижний Чепош-3 и 4

По завершении работ 2001 г. А.А. Тишкин также пришел к выводу о том, что обследованные городища представляют единый комплекс [6]. Было высказано предположение, что памятники являются многослойными и существовали в разные периоды раннего железного века и Средневековья. Более точное время сооружения оборонительных линий предполагалось выяснить в ходе дальнейших раскопок. Сделано заключение, что планиграфически памятник Нижний Чепош-3 является более поздним, чем Нижний Чепош-4, который состоит из двух площадок, окруженных системой ров-вал. Там, по всей видимости, сначала была оформлена и укреплена площадка, которая находится ближе к обрывистому склону. Общие размеры этой «цитадели» овальной формы составляют 100x65 м. Зафиксированная ситуация позволила целесообразным рассматривать остатки этих фортификационных сооружений в рамках обозначения объекта Нижний Чепош-4а, так как именно с этого места, скорее всего, начиналось строительство всего комплекса крепостей. Внутренняя площадка (размерами 82x48 м) с запада, юга и востока была окружена системой вал-ров шириной от 8 до 11 м. Высота валов от современной поверхности террасы составляла от 0,2 до 0,6 м, глубина рвов – от 0,1 до 0,4 м. Северная часть оказалась оформлена эскарпом высотой до 2,2 м. Внизу имелась площадка шириной 2–2,5 м. По всей видимости, данный укрепленный участок играл роль форпоста и до окончания строительства другой части крепости, которую было предложено обозначить как Нижний Чепош-4б. Общие параметры данного подпрямоугольного в плане объекта с округленными углами 210x150 м. Внутренняя часть площадки имела размеры 166x104 м. Она также окружена сложной системой рвов и валов. Западная часть была укреплена рвом и валом шириной до 10 м. Западный и юго-западный участки защищались системой в два вала и два рва. Между ним и предыдущим отрезком зафиксирован проход шириной 2,5–3 м.

Южный и юго-восточный участки крепости представляли собой достаточно мощную систему из рвов и валов. Она начиналась с трех валов и трех рвов, затем добавлялись один вал и ров, заканчивалась система на востоке, где зафиксирован проход шириной до 7,5 м. Далее система, оформленная в три рва и два вала, сливается с восточной частью форпоста Нижний Чепош-4а, постепенно переходя в один вал и ров, который заканчивается у эскарпа. Следует указать, что эскарпирован также северный участок длиной 20 м при закруглении системы вал-ров на западе крепости. Между ним и форпостом оформлена смычка в виде небольшого вала и рва. Между юго-западной и южной системой ров-вал зафиксирован проход шириной от 15 до 20 м. Подобная ситуация не исключает существования там главных ворот крепости. Однако в центре этой площадки находится сейчас высоковольтная ЛЭП,

и при ее установке строители могли снивелировать рассматриваемый участок. На территории крепости Нижний Чепош-4 зафиксировано несколько западин. Общая площадь другого городища (Нижний Чепош-3) составила примерно 6000 кв. м (300x200 м). Там выделяется несколько оборонительных линий по периметру площадки, ограниченной террасой.

Кратко представленные результаты работ Горно-Алтайского археологического отряда АлтГУ позволили расширить знания об интересном археологическом комплексе Горного Алтая.

В 2001 и 2004 гг. обследование городищ осуществлял В.И. Соёнов. Им сняты планы памятников с использованием GPS-приемника, а на северной части комплекса Нижний Чепош-3 в разрушениях были собраны фрагменты керамики и костей.

В 2009 г. при поддержке указанного проекта «Древняя и средневековая фортификация Алтая» на памятниках Нижний Чепош-3 и 4 В.И. Соёновым и С.В. Трифановой заложены траншеи, пересекающие валы и рвы, для изучения фортификационных конструкций [7, с. 187]. В результате раскопок на каждом из городищ изучены остатки сложных сооружений, состоящих из нескольких рядов валов и рвов [8].

Произведенные работы позволили выявить и некоторые особенности устройства крепостей. На обоих городищах в валах были зафиксированы глубокие ямы, заканчивающиеся в материке. По всей вероятности, эти ямы делались под опоры деревянных защитных сооружений, имевшихся в свое время на валу. На городище Нижний Чепош-4 в яме вала обнаружено значительное количество древесного угля и остатки обожженного дерева. Находки на городищах представлены предметами вооружения, керамикой, орудиями труда, костями животных.

Для проведения работ по изучению характера и структуры магнитного поля, а также выявления участков антропогенной нарушенности на памятниках был приглашен геофизик А.В. Шитов. Магниторазведка производилась при помощи квантового магнитометра ММП-303 на участках закладки траншей для сверки результатов магниторазведки и раскопочных мероприятий. В результате профильных работ на городищах было выявлено, что вскрытые позже раскопками валы и рвы выделяются в магнитном поле. Магниторазведка также проводилась у грунтовой дороги в юго-восточной части городища Нижний Чепош-3, на участке предполагаемого разрыва валов и рвов. В результате выявлено, что на самом деле система ров-вал продолжается, хотя визуально почти не фиксируются.

Произведенные при раскопках наблюдения и инвентарь из культурного слоя позволили В.И. Соёнову датировать городища Нижний Чепош-3 и 4 «гунно-сарматским» временем. Девять радиуглеродных дат (СОАН – 7852–7861), полученные

Л.А. Орловой (Институт геологии РАН) в результате анализа древесного угля и почвы на QUANTULUS 1220 (по бензольно-сцинтилляционному варианту), не противоречат этому. Четыре даты по анализу почвы относятся к широкому временному диапазону (в рамках I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.), но остальные пять показателей (три даты по древесному углю и две по почве из столбовой ямы и со дна рва) при

калибровке REV 4.3 с вероятностью 2 sigma и OxCal v.3.0 с вероятностью 95,4% укладываются в рамки 125 г. до н.э. – 400 г. н.э.

В заключение отметим, что нужны дальнейшие исследования, которые позволят уточнить период функционирования городищ и получить материал, необходимый для реконструкции этнополитической ситуации на Северном Алтае в то время.

Библиографический список

1. ЦХАФ АК. – ФД. 81. – Оп. 1. – Д. 77.
2. Соёнов В.И. Изучение крепостей и городищ в Горном Алтае // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии : сб. науч. трудов / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина. – Барнаул, 2004.
3. Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на средней Катунь // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул, 1996.
4. Шульга П.И. Отчет за 1986 г. – Барнаул, 1986 (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).
5. Шульга П.И. Отчет за 1987 г. – Барнаул, 1987 (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).
6. Тишкин А.А. Отчет об археологических исследованиях в Алтайском крае и Республике Алтай. – Барнаул, 2002 (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).
7. Соёнов В.И. Отчет об археологических исследованиях в 2009 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск, 2009. – №1–2(13–14).
8. Соёнов В.И. Отчет об археологических работах в Кош-Агачском и Чемальском районах Республики Алтай в 2009 году. – Горно-Алтайск, 2010 (Архив Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО «ГАГУ»).

